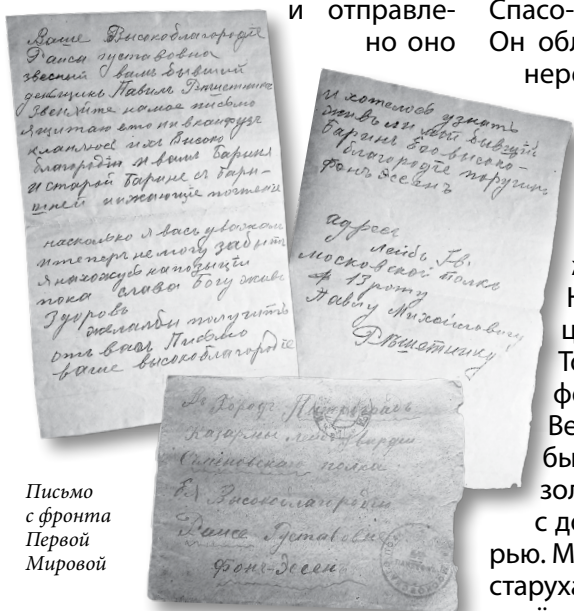

Послание из прошлого

Ничто не исчезает бесследно, пока кто-то помнит, кто-то собирает свидетельства о прошедшем, пока стоят старые дома, свидетели вековой истории. В этом году исполнится сто лет событию, перевернувшему жизнь людей в нашей стране. Есть повод задуматься и подвести итоги. До сих пор доходят до нас письма, поздравления и другие послания оттуда, из далёкого, грозного, трагичного и разрушительного 1917 года.

Житель Второго Парголово, художник, преподаватель Мухинского (ныне Штиглица) училища Ярослав Яковлевич Лаврентьев обнаружил такое свидетельство в старинном доме, где он живёт конца 1970-х годов. Вынув полностью ящик тумбочки, он увидел желтевший конверт. В нём оказалось письмо с фронта Первой Мировой войны от бывшего денщика жене бывшего офицера царской армии, жительнице Второго Парголово графине фон Эссен. Написано и отправлено оно

Письмо с фронта Первой Мировой

Во всяком случае, этажерка, приобретённая художником Лаврентьевым, принадлежала некогда им. Известно также, что они во время перестройки выкупали у парголовцев старинные иконы, и вскоре перебрались за рубеж.

После Эсенов владельцами дома были Евсеевы: жена - балерина Мариинского театра, муж - тапёр, играл на пианино в кино-театрах, и одновременно работал в местной бане директором. Дядюшка его или её был дьяконом Спасо-Преображенского собора. Он обладал потрясающим басом, нередко к нему в гости на Литейный проспект приходил Фёдор Шаляпин. Они нередко устраивали певческое состязание.

По рассказам местных жителей, в 1970-ые на ул. Некрасова нередко гостил целыми неделями Вилли Токарев. Неподалеку от графов фон Эсенов жила семья Вернеров, глава этой семьи был известным в Петербурге золотых дел мастером. Он жил с дочерью и, возможно, с матерью. Многим запомнилась древняя старуха, таскавшая белую козу на верёвке. Она говорила на пяти языках, и только по-русски говорила неважно. В доме у них стояло кабинетное пианино, шкаф пушкинского времени. Когда они уезжали в Чудово, часть мебели была распродана. Ярослав Яковлевич видел у них гербовые бумаги. Он даже отреставрировал бюст, сделанный самим Вернером. Долго с ним промучился - гипс, покрашенный серебряной краской, почти рассыпался.

Он вспоминает: «Я туда ходил со знакомым антикваром, преподавателем Мухинского училища. Руки у него золотые были, и нюх же у него был! Идём по коридору, какая-то занавеска, за ней бельё,

перины, всякий хлам. А он раскидывает все это - внизу серебряный подсвечник. Он у хозяйки спрашивает: «А поднос где?!» Хозяйка кричит: «Туда нельзя, мы это не продаём!» Когда возвращались от Вернеров, на помойке нашли часть шарманки - весь механизм целый, в рабочем состоянии». Много было в то время в парголовских домах старинных предметов, а сколько их на помойку вынесли!

Было ещё несколько интересных находок в подвале дома и на участке - серебряный подсвечник, пуговица офицерская. После дождей в прошлом году вода пробилла желобок, и показалась женская головка из обожжённой глины, прямо-таки античная. Несколько лет тому назад грузины ездили по Парголово с металлоискателем, нашли в огороде огромную стальную станину.

Над тумбочкой в углу комнаты на втором этаже дома висит Капсеровская икона Божией Матери, дедовская, скорее всего 19 века, но состаренная. Оказывается, дед хозяина был старообрядцем, приехал из Калужской области. В 1905 он году попал на флот, там заметили его способности к рисованию. Так он вместо Японской войны попал на работу в Адмиралтейство, работал там гравёром. А сам художник Лаврентьев, как выяснилось, давний прихожанин нашей Спасо-Парголовской церкви.

Разбирая документы, мы обнаружили ещё один, тоже 1917 года - выписку из Приказа по запасному батальону Лейб Гвардии Семёновского полка «отъ 24-го января 1917 г. За N 24». Хочется привести этот текст:

«Г.г. офицерамъ и класснымъ чинамъ баталіона. А также сверхчрч-нослужащимъ нижнимъ чинамъ,

получившимъ въ январе м-це сего года военная интендатскія карточки, согласно приказа Главнокомандующаго Севернаго фронта отъ 12 ноября 1916 г., за N 978, по коимъ и получали продукты изъ офицерской баталіонной лавки в январе месяце, предписываю 31-го сего Января все использованныя и неиспользованныя карточки, а также корешки указанныхъ карточекъ сдать въ баталіонную канцелярію въ хозяйственное отделение на предметъ получения взаменъ ихъ на февраль месяц новыхъ. Лицамъ не сдавшимъ карточекъ новые выдаваться не будутъ, а также и по январскимъ карточкамъ отпускъ продуктовъ в феврале месяце производиться ни въ коемъ случае не будетъ...». Подписано Командиромъ баталіона полковникомъ Назимовымъ.

Ярославу Яковлевичу Лаврентьеву пришлось немало времени провести в архивах. По его признанию, письма от крестьян, в частности, жалобы на соседей, о том, что не дают покосов., он читал как роман о подлинной жизни людей того времени.

А ещё его впечатлило, что, люди в письмах называли мирным временем только дореволюционные времена, включая годы Первой Мировой войны.

Ирина Кузина

Из книги Е.Л. Александровой «ПАРГОВО»

... к 1890 г. Парголово изобиловало «массой дач, нередко поражающих своим контрастом: маленькие крестьянские избы то и дело чередуются с большими, красивыми и очень удобными, принадлежащими или зажиточному крестьянину или арендатору». В Третьем Парголове больших дач по-прежнему было немного. Лучшие были в деревнях около парка - Заманиловке, Старожиловке, Кабловке, во Втором Парголове и Шуваловском парке (аренда от конторы имения). «Коммерческий мир, преимущественно иностранные негодянты, обладающие большими домами на Васильевском острове или Английской набережной, господствуют около Парголово, в Старой деревне, Ижоре, Кабловке и Заманиловке», - писал о дачных местностях П.Н. Столпянский. Дачи были на 5-10 меблированных комнат с балконами и мезонинами, с отдельными кухнями, ледниками, прачечными, конюшнями и сараями. Сдавались они за 400-1500 руб. за сезон. Например, дачи во Втором Парголове в 2 комнаты сдавали за 80-100 руб., а 7 комнат за 400-450 руб.. в парке в дачах Кебке сдавались от 3-х до 8-ми комнат за 75-400 руб., соответственно. Здесь же сдавались 6 комнат в даче управляющего имением Воронцовых-Дашковых Александрова за 350 руб.

Строительство Финляндской железной дороги, а также крестьянская реформа положили начало третьему периоду дачного строительства. Одним из характерных примеров крестьянского дома этого периода является сохранившийся до настоящего времени дом 40 на ул. Ломоносова - простая

изба с высокой кровлей, выходящими на улицу тремя окнами с резными наличниками и мансардой. В этот же период построены и другие дома по этой улице - дома 10, 24, 19, 21, 27, 41, 49, 68 и 70.

К последнему, четвёртому периоду дачного строительства относятся три сохранившиеся, в том числе и самая старая из них, 1873 г. постройки, дачи Магориных (Озёрная ул.д.3) у почти квадратного в плане пруда с живописными берегами. Раньше здесь располагалось 12 домов, украшенных резьбой и объединённых общим названием «Чудесный уголок», дом на участке Нечаевых, принадлежавший в начале XX века балерине Мариинского театра Евсеевой, арендовавшей его у адмирала фон Эссена (Озёрная ул.д.11), несколько домов в начале ул. Некрасова (бывшая 2-я линия, д.2,3, 5, 13 и 32, последний принадлежал ювелиру Фарбману), дача владельца петербургских бань Шанина, построенная в начале 1900-х гг. на участке, арендованном у крестьянина Второго Парголово Москвина (ул. Некрасова, 31), и соседний с ним дом 37а, в котором несколько летних сезонов проживала семья Н.А. Римского-Корсакова, а затем его младшего сына Владимира Николаевича. Ещё недавно на берегу озера стояли двухэтажная бревенчатая дача золотых дел мастера Карла Вернера и соседний с ним дом Селезнёвых-Титовых с большими «венцианскими окнами» со служебным домом при ней (снесены в конце 1990-х). На берегу озера, со стороны Выборгского шоссе, находилась двухэтажная деревянная дача Фитт (Центральный пер., 2).